

От раннего к зрелому государству

Л. Е. Гринин

Волгоградский центр социальных исследований

В настоящем сборнике были высказаны различные взгляды на раннее государство, а также на то, что можно считать аналогами или альтернативами раннего государства. Но, чтобы дополнительно оттенить сложность и дискуссионность этой темы, есть смысл в заключение затронуть вопрос о дальнейшей эволюции государства. Но поскольку эта тема все же несколько выходит за рамки проблематики сборника, в данной статье ставилась достаточно ограниченная задача – наметить некоторые критерии для обозначения стадийных типов государств. Но даже и такая задача оказалась слишком объемной для одной статьи. Поэтому, к сожалению, в нее не вошли многие важные пояснения и примеры (подробнее см.: Гринин 2006а; 2006в).

В рамках настоящей статьи под *государством* понимается категория, с помощью которой описывается система специальных (специализированных) институтов, органов и правил, обеспечивающая внешнюю и внутреннюю политическую жизнь общества; данная система в то же время есть отделенная от населения организация власти, управления и обеспечения порядка, которая должна обладать следующими характеристиками: а) суверенностью; б) верховностью, легитимностью и реальностью власти в рамках определенной территории и круга лиц; в) возможностью принуждать к выполнению своих требований, а также изменять отношения и нормы.

Это определение является основой, опираясь на которую, я даю систему определений стадийных типов государства (подробнее см.: Гринин 2001–2005; 2006а)¹.

1. О стадиях эволюции государственности

Некоторые ученые «с подозрением» относятся к выделению стадий в тех или иных процессах, нередко прямо противопоставляя понятия процесса и стадий как взаимоисключающие (например: Shanks, Tilley 1987; см. также: Marcus, Feinman 1998: 3; Штомпка 1996: 238). Однако можно согласиться с Робертом Карнейро, что противопоставление процесса и стадий – это ложная дихотомия (Carneiro 2000b), поскольку

стадии являются непрерывными эпизодами продолжающегося процесса, а понятие процесса может служить для разработки понятия стадий (Goudsblom 1996). Процедура выделения стадий во временном процессе в широком смысле есть *периодизация*, а любая периодизация страдает односторонностью и какими-то расхождениями с реальностью. «Однако упрощения эти могут служить стрелками, указывающими на существенные моменты» (Ясперс 1994: 52). Мало того, количество и значение таких натяжек можно резко уменьшить, поскольку эффективность периодизации напрямую связана с тем, насколько ее автор учитывает правила и особенности этой методологической процедуры (подробнее об этих процедурах см: Гринин 1998: 15–28; 2003а: 67–78; 2003б: 219–223; 2006а; 2006б; см. также: Ершов 1984; Жигунин 1984; Шофман 1984). Исходя из этого, я считаю, что разделение процесса эволюции государства (и шире – политогенеза) в исторической ретроспективе на стадии является весьма важной и полезной процедурой, если, конечно, не абсолютизировать такое деление (см. подробнее: Гринин 2001–2005; 2006а).

При анализе развития государственности в рамках исторического процесса обычно выделяют две главные стадии: **раннее** государство и **зрелое** государство. Несомненно, это деление разумно и продуктивно². Однако Х. Дж. М. Классен и П. Скальник ограничили свою схему развития государственности эволюцией только *докапиталистических неиндустриальных* государств (Claessen, Skalnik 1978b: 5). Следовательно, концепция *раннего* – *зрелого* государства нуждается в важных дополнениях. Причины этому следующие:

1. Переход к новой стадии развития государства немислим без серьезных изменений в производстве. С другой стороны, революционные изменения в производстве сами раньше или позже требуют глубоких изменений в устройстве государства. Поэтому было бы более чем странно допустить, что промышленная революция XVIII–XIX вв. не вызвала сильных изменений в организации государства. Между тем схема *раннее* – *зрелое* государство никак не отражает эти перемены.

2. Если первые зрелые государства, согласно распространенным взглядам, возникли еще в глубокой древности (Египет) или на пороге нашей эры (Китай)³, как тогда классифицировать европейские государства XVIII–XIX вв., не говоря уже о современных? Будут ли они также зрелыми или уже сверхзрелыми?

3. Европейские государства XIX в. сильно отличаются от сложных политически централизованных монархий поздней древности и средневековья (которые сами уже явно превосходят ранние государства) также по ряду других характеристик, в частности по уровню и культуре управления, развитости права, взаимоотношениям между государством и обществом. Недаром Макс Вебер говорил: «Вообще “государство” как политический *институт* с рационально разработанным правом и ориентированным на рационально сформулированные правила, на

“законы”, управлением чиновников-специалистов в данной существенной комбинации решающих признаков известно только Западу, хотя начатки всего этого были и в других культурах» (Вебер 1990: 47; курсив Вебера. – Л. Г.)⁴.

Следовательно, учитывая указанные различия между индустриальными и доиндустриальными государствами (о чем далее будет подробно сказано), очевидна необходимость выделить не две, а три стадии развития государственности. А именно:

а) *ранние*, еще недостаточно централизованные государства, с неразвитой социальной и классовой, а часто и административно-политической структурой;

б) уже сложившиеся централизованные государства поздней древности, средневековья и Нового времени, с ясно выраженным сословно-классовым делением;

в) государства эпохи капитализма, в которых исчезли сословия, появились классы буржуазии и пролетариата, сформировались нации, распространилась представительная демократия. Точнее говоря, даже не капитализма, а индустриализма, поскольку в эту группу входят и индустриальные социалистические государства.

Поэтому я пришел к выводу о необходимости «вставить» между ранним и зрелым государством стадию **развитого государства**. Таким образом, получится не две главные стадии развития государственности – раннее и зрелое государства, а три: **1) раннее государство; 2) развитое государство; 3) зрелое государство**. Соответственно я заново разработал концепцию эволюции государственности и поновому сформулировал основные характеристики каждой из ее стадий.

В каждой стадии, естественно, можно выделить менее крупные этапы *начального, типичного и переходного государства*⁵. В рамках этой статьи базовые характеристики стадий государственности определяются по среднему этапу каждой стадии (то есть соответственно *типичного раннего, типичного развитого и типичного зрелого государств*). Дело в том, что на первом этапе (*начального государства*) в политике еще очень много остатков и элементов предыдущей стадии, а на третьем этапе (*переходного государства*) многие институты уже перезрели, а также появляются признаки более высокой стадии государственности.

Основные различия между ранним, развитым и зрелым государствами:

Ранние государства очень сильно отличаются между собой по многим характеристикам, в частности по степени развитости централизации, управления, налоговой и судебной систем. Но если искать сходство в них с позиции, каковы в целом их отличия от государств более высокой стадии эволюции, то **раннее государство** – это всегда государство **неполное (организационно и социально)**. Такая «неполнота» касается взаимосвязи между государством и обществом. Тут существовали разные варианты, но в каждом из них какие-то очень

важные элементы государства и необходимые характеристики общества отсутствовали или были явно недоразвиты.

В большинстве случаев указанная неполнота выражалась в самом прямом смысле, поскольку многие ранние государства часто не обладали полным набором важнейших черт государства либо не развили все или часть из них до удовлетворительной степени. В первую очередь, сказанное относится к таким атрибутам государственности, как *профессиональный аппарат управления и подавления, налоги, территориальное деление, а также степень централизации и письменное право*. Однако в некоторых ранних государствах (таких, например, как государства третьей династии Ура или Хаммурапи в Месопотамии) имелась противоположная диспропорция. Хотя аппарат управления и бюрократия здесь были весьма мощными, но они надстраивались над недостаточно развитым в социальном и этническом плане обществом. Поэтому в таком случае недоразвитым выглядело уже *общество* по сравнению с государством (об этом см. еще дальше).

Развитое государство выступает как государство **сформировавшееся и сложившееся**, имеющее практически все указанные выше атрибуты государства (в том числе профессиональный аппарат управления и подавления, налоги, территориальное деление), и **централизованное**. Таким образом, многие признаки, которые могли встречаться, но могли и отсутствовать в ранних государствах, в развитых становятся обязательными⁶.

Такой тип государства был уже результатом длительного исторического развития и отбора, которые доказали, что государство существенно прочнее, если его институты органично связаны с социальной структурой общества, если они одновременно и опираются на социальный порядок, и поддерживают его. Например, на Руси и в Западной Европе такое государство с эффективной централизацией возникло на основе формирования сословного общества, сословной монархии, союза монарха с дворянством (и в отдельных случаях с городами). Развитое государство гораздо более целенаправленно и активно влияет на социальные процессы в обществе. Оно не просто тесно связано с особенностями социальной и корпоративной структуры общества, но как бы конституирует эти особенности в политических и юридических институтах. В этом смысле его можно рассматривать как **сословно-корпоративное** государство.

Естественно, что разные государства достигали начала этой стадии в разное время. Например, Китай – с момента образования первой централизованной империи Цинь, в конце III в. до н. э.; Римская империя – примерно в конце I в. н. э.; Византия – с момента возникновения. Франция начала вступать в эту стадию в конце XIII века; Россия – во второй половине XVI в. Подробнее о хронологии далее.

Зрелое государство является уже результатом развития капитализма и промышленной революции, то есть имеет принципиально

иной производственный базис. Другие отличия зрелого государства от ему предшествующих также очень велики. Оно опирается на сложившуюся или складывающуюся нацию со всеми ее особенностями. Поэтому такое государство более развито в организационном и правовом плане, обязательно имеет профессиональную бюрократию с определенными характеристиками (см., например: Weber 1947: 333–334), четкий механизм передачи или ротации власти. Естественно также, что зрелое государство имеет намного более развитый аппарат принуждения и контроля, в целом более развитые и специализированные институты управления.

Оно постепенно трансформируется из сословно-классового в чисто классовое государство, а на последних своих этапах – в то, что можно назвать социальным государством. Исходя из сказанного, можно сделать очень важный вывод, что **в древности и средневековье не было зрелых государств, а только ранние и развитые**. Самые первые зрелые государства появляются в конце XVII – XVIII в. О хронологии вступления в эту стадию будет сказано дальше.

3. Раннее государство

3.1. Некоторые характеристики раннего государства

Естественно, что я не ставил целью дать всестороннюю и полную характеристику каждого из трех стадийных типов государства. Здесь я останавливаюсь только на таких характеристиках, которые позволяют, на мой взгляд, точнее выделить критерии разделения процесса эволюции государства на эволюционные стадии. Что касается раннего государства, то некоторые свои взгляды на него я высказал в других статьях в этом томе (Гринин 2006г; 2006д), что позволяет мне опираться на них.

Прежде всего, необходимо напомнить, что я делил все догосударственные социумы и политии на две группы: *стадийно* догосударственные и *исторически* догосударственные (Гринин 2006д: 93–96). К первым я относил такие, которые при своих наличных характеристиках ни при каких условиях не могли стать даже самым примитивным государством. Ко вторым – такие, которые уже обладают необходимыми параметрами (величиной и степенью социокультурной сложности), поэтому при благоприятных условиях они могут стать государством. Однако, поскольку в этих обществах отсутствуют некоторые необходимые конкретные условия для формирования государства, они развиваются по собственным траекториям и становятся аналогами ранних государств.

Исходя из этого, следует отметить, что раннее государство отличается от *стадийно* догосударственных обществ совершенно определенными вещами, поскольку, чтобы стать государством:

1. Общества не могут быть меньше определенного размера и сложности (самое меньшее – несколько тысяч жителей). Хотя чаще

требуется больший размер, а по мере развития государства его объемы, как правило, возрастают до многих тысяч (часто до десятков и сотен тысяч и даже миллионов человек).

2. В обществе должен иметься определенный производственный базис в виде сельского хозяйства, ремесла и торговли (два последних в отдельных случаях заменяет военно-данническая эксплуатация соседей).

3. В обществе должна быть заметная социальная стратификация.

4. Необходим определенный уровень политической и структурно-управленческой сложности, по крайней мере должно быть не меньше трех уровней управления, а чаще – больше (см., например: Carneiro 2000a: 186), что при археологических раскопках нередко выражается в трех-, четырехуровневой иерархии поселений (Wright, Johnson 1975; Джонсон 1986) и в целом свидетельствует о наличии определенных политических традиций.

Однако, как я доказывал (Гринин 2006д), и многие аналоги отличаются от стадияльно догосударственных политий теми же самыми характеристиками. Поэтому я сформулировал, какими именно чертами и признаками раннее государство отличается от аналогов. А именно – это:

1. Особые свойства верховной власти.

2. Новые принципы управления.

3. Нетрадиционные и новые формы регулирования жизни общества.

4. Редистрибуция власти, то есть способность перераспределять через центр властные полномочия⁷.

Исходя из сказанного, **раннее государство – это категория, с помощью которой описывается особая форма политической организации достаточно крупного и сложного аграрно-ремесленного общества (группы обществ, территорий), определяющая его внешнюю политику и частично социальный и общественный порядок; эта политическая форма в то же время есть отделенная от населения организация власти: а) обладающая верховностью и суверенностью; б) способная принуждать к выполнению своих требований; менять важные отношения и вводить новые, перераспределять ресурсы; в) построенная (в основном или в большей части) не на принципе родства.**

Как легко заметит читатель, в данном определении я не указал, что для раннего государства обязательно наличие таких признаков, как аппарат управления и подавления, налоги, территориальное деление. Дело в том, что во многих, едва ли не в большинстве ранних государств они в полной мере не обнаруживаются (об этом подробнее далее). Но, на мой взгляд, это не только не является каким-то «недостатком» ранних государств, а, напротив, совершенно естественно. И те ранние государства, которые обладают всеми указанными признаками, скорее являются исключениями, выделяющимися среди ранних государств в сторону развитости, чем правилом. Поэтому, по моему мне-

нию, эти три признака являются обязательными для характеристики только следующего эволюционного типа государства – развитого.

3.2. Раннее государство как государство неполное

Государство как форма общества всегда отражает социальное и иное устройство последнего. Однако анализ черт, свойственных раннему государству, дает основания сказать, что в широком смысле слова оно является **неполным**. *Эта неполнота* в общем виде означает, что в системе взаимосвязей между государством и обществом имеются некие ограничители, которые препятствуют дальнейшей стадийной эволюции ранних государств. Данная ограниченность означает *такую связь между государством и обществом, которая ретроспективно неадекватной по сравнению с тем, что мы видим на более высоких этапах развития аналогичных систем*. И неудивительно, что многие ранние государства так никогда и не становятся развитыми (см.: Claessen, van de Velde 1987a; 1991; Skalnik 1996; Shifferd 1987; Tymowski 1987; Кочакова 1995), а те, что становятся, обычно совершают такой переход с тяжелыми кризисами и катаклизмами, вызывающими глубокую перестройку всей системы⁸.

Указанная ограниченность проявляется по-разному. Иногда политическая форма раннего государства оказывалась не очень крепко связанной с обществом. В этих случаях государственной надстройке, образно говоря, почти все равно, кем она управляет. Возьмите Среднюю Азию, границы внутри которой в течение многих сотен лет никак не устанавливались, без конца меняясь в зависимости от чисто военных обстоятельств и удачливости очередного завоевателя (для Ближнего Востока в целом и Северной Африки это тоже очень характерно). Возьмите средневековую Европу XI–XIII веков, где огромные области с легкостью переходили от правителя к правителю, от державы к державе при браках и разводах правителей, по смерти короля и обретении наследства⁹.

Европа этого времени – пример политической системы со слабой административной структурой. Однако бывали случаи «непригнанности» и «неподогнанности» общества и государства друг к другу и когда политическая власть обладала развитым административным и бюрократическим аппаратом, который сравнительно легко накладывался на разные территории. Так было в Месопотамии, где государства часто меняли границы, то укрупнялись, то распадались, неоднократно происходила и смена династий. Но принципы государственности при этом оставались в целом теми же. Бюрократия легко надстраивалась над любыми территориальными конфигурациями.

Но в некоторых ранних государствах указанная ограниченность, напротив, выражалась именно в том, что связь между государством и обществом была слишком тесной, то есть определенная государствен-

ная форма годилась только для конкретного социума. В результате она оказывалась неспособной к необходимым качественным трансформациям. Ярким примером является организация греческих полисов, не сумевших преобразоваться даже перед лицом потери независимости. «Парадокс греческой истории состоит в том, что основной ее тенденцией было непрерывное и в общем малоуспешное стремление к преодолению полиса: непрерывное в силу несоответствия однажды установленных полисных принципов... дальнейшему общественному прогрессу, а безуспешное ввиду того, что попытки преодоления полиса осуществлялись на полисной же основе» (Фролов 1979: 6). При этом наблюдается интересная картина. С одной стороны, греческие полисы так и не смогли самостоятельно объединиться в крупное государство именно из-за слишком тесной связи между гражданской общиной и формой государства. Но, с другой стороны, несбалансированность этих раннегосударственных образований весьма наглядно проявлялась в том, что в полисах были часты социальные перевороты и смена политического режима (от демократии к олигархии и наоборот), причем нередко совершаемые легитимно, путем смены лидеров и групп у власти, постоянным изменением законов и решений¹⁰.

На основе приведенных выше и многих других фактов я выделил два основных типа несоответствий между политической и социальной структурами древних и средневековых государств.

Первый и более распространенный вариант – когда раннее государство является неполным в прямом смысле слова, поскольку слабо развитой оказывается его административная организация. Ведь ранние государства очень часто не обладали полным набором важнейших черт государства либо не развили все или часть из них до удовлетворительной степени. При этом какие-то из этих признаков могли быть даже в весьма развитом виде, зато другие отсутствовали, а порой все признаки оказывались недоразвитыми. В первую очередь, сказанное относится к таким атрибутам государственности, как профессиональный аппарат управления и подавления, налоги, территориальное деление, а также наличие писаного права и письменной формы управления (приказы, распоряжения, отчеты, архивы и т. п.)¹¹.

Сказанное будет легче понять, если вспомнить, что в ряде ранних государств вместо территориального деления существовало родовое, общинное или иное¹², а в других налоги были неотличимы от дани, подарков, временных займов и т. п. Весьма часто налоги носили нерегулярный характер, например, собирались только во время войны (длительное время так было в Древнем Риме). В некоторых случаях налоги на население могли и вовсе отсутствовать, поскольку у правительства имелись иные источники доходов, такие как монополии на определенный вид торговли (включая внешнюю) или на определенную деятельность (добыча соли, разработка полезных ископаемых); особые земли и территории, доходы с которых шли на содержание

правителя (так, доходы с земель королевского домена в средневековой Европе нередко были главным источником государственных средств); регулярная дань и контрибуции с покоренных областей; принудительные платежи союзников (как, например, в Афинском морском союзе) и т. п. В частности, в Римской республике в ранний период очень важным источником доходов была плата за сдачу в аренду общественных земель (см.: Черника 1995: 5), а налоги носили экстраординарный характер. Далеко не всегда в ранних государствах (особенно в Древнем мире) имелась регулярная армия, поскольку правители обходились ополчением. Еще реже была там полиция¹³.

Довольно часто в ранних государствах был слабым административный и репрессивный аппарат. Иногда его слабость сочеталась с примитивностью социального расслоения, как, например, в варварских королевствах Европы в начале средних веков. Но бывало и так, что сословно-классовые отношения выражены достаточно четко, а административный аппарат – слабый или «небюрократический», как это можно видеть в Афинах, Риме и других государствах, где профессиональные администраторы либо отсутствовали вовсе (а должности замещались по очереди или по жребию), либо они не получали жалованья и избирались на короткий срок.

Часто такие «неполные» ранние государства только надстраивались над обществом, ограничиваясь военными и перераспределительными задачами, сбором дани, повинностей и пошлин, не проникая в толщу его жизни. Таким государством, например, длительное время была Древняя Русь, многие государства кочевников, ряд африканских государств. Нередко молодая держава вскармливает мощный слой новой знати, которая перестает считаться с породившим ее государством и начинает формировать под себя социальные процессы. Ярким примером является титулованная знать средневековой Европы, которая превращает надель за службу в частную собственность, закрепощает крестьян, лишает королей тягловцев и воинов и в конце концов делает королевства номинальными понятиями. В чем-то похожие процессы шли и во многих других странах начиная с глубокой древности (см., например, о Китае эпохи Западного, а потом и Восточного Чжоу начиная с IX в. до н. э.: Васильев 1993: 187–189; см. также: Крюков 1974: 14–15). Неслучайно же есть сторонники теорий «вечного феодализма», наличия феодальной формации в древности.

И вовсе не удивительно, что часто именно этап *типичного* раннего государства оказывается периодом феодальной раздробленности. Поэтому не лишено смысла утверждение, что «политическая раздробленность в эпоху раннего феодализма – не признак слабости государства, а естественное в тех условиях его состояние: то был иерархизированный союз вассалов и сеньоров, опиравшийся на систему личных связей, преобладавшую в том обществе форму социальных отношений» (Гуревич 1970: 60).

В малых (отчасти и в средних) государствах уже из-за самих их размеров аппарат обычно был недостаточно развит и отделен от населения. Ведь в таких масштабах многие вопросы эффективно решались иными, чем государственный приказ или контроль, способами (например, частными лицами; путем прямого волеизъявления населения или участия родовых, профессиональных или социальных групп в каких-то делах). Здесь рост государственности был, в первую очередь, связан с необходимостью вести успешные войны, иногда организовывать внешнюю торговлю. Важной могла быть роль государственной власти в улаживании социальных конфликтов, как это было в Афинах и некоторых других греческих полисах, отчасти в раннем Риме (между плебейми и патрициями). В результате те или иные стороны и черты государственности усиливались, а другие отставали. Какие именно, зависело от особенностей политий. Спартанский, афинский, финикийский, а также – до определенного момента, пока они оставались малыми государствами – карфагенский и римский пути – это только некоторые из вариантов развития.

Крупные же ранние государства имперского типа, возникшие в результате завоеваний, неизбежно распадались или резко уменьшались в размерах. Редко империи оставались могущественными более ста лет подряд. Неоднократные взлеты и падения Ассирии в XIII–VII вв. до н. э. – наглядный пример этому (см.: Садаев 1979). Но, даже когда государство было сильным в военном отношении, чтобы долго удерживать провинции в своей орбите, все равно обычно оно являлось недостаточно развитым, чтобы по-настоящему интегрировать различные свои части. Существовал дисбаланс между государственностью центра и окраинами (см. об этом: Thapar 1981: 411). А. В. Коротаев (Коротаев и др. 2000: 42–45; Korotayev *et al.* 2000: 23–24; см. также: Коротаев 2000а; 2000б) считает, что большинство империй представляли собой мультиполитии, то есть образования, имеющие собственно государство в центре и разного рода политии на периферии. И такие государства, как, например, Римская и Карфагенская республики, были не интегрированной системой, а, скорее, конгломератом земель. В них существовала система особых связей центра и каждого народа, каждой области или территории. При этом одни имели больше прав, другие – меньше, третьи были почти равны победителям, зато с четвертыми обращались очень сурово¹⁴.

Второй вариант неполноты раннего государства противоположен первому и является более редким. В таких государствах имелся развитой бюрократический аппарат управления. Но он сосуществовал с недоразвитыми социальной структурой и этническими характеристиками, действовал в обществе без достаточно четкой социальной стратификации (то есть ярко выраженных классов или сословий, более-менее зрелых отношений собственности на землю). Мало того, именно чрезмерный административный аппарат мог препятствовать складыванию более развитой и устойчивой социальной системы.

Так было, скажем, в Шумере при третьей династии Ура (XXI в. до н. э.), где в результате государство, по выражению М. А. Виткина (1968: 434), принимает антиобщественную форму¹⁵, и в наследовавшем ему государстве Хаммурапи; в Египте времен Древнего царства; империи Инков¹⁶. Поэтому можно считать, что в этих государствах бюрократия – при всей ее организаторской значимости – в какой-то мере оказывается внешней надстройкой над обществом, подобно тому, как в других государствах над ним надстраивается военная знать со своими дружинами. Только методы эксплуатации и влияния на социум у этих элит разные.

Если слабые правительства порой не могли в достаточной степени мобилизовать силы страны, натываясь на своеволие знати и наместников, то здесь государство, напротив, задавливает общество, пытаясь перестроить его полностью под свои задачи. При этом оно брало на себя функции основного распорядителя благ, организатора и контролера производства и распределения. Такая чрезмерность государства возникла, прежде всего, в условиях натурального хозяйства, как это было, например, в империи Инков. Однако увлечение «учетом и контролем» могло иметь место и в обществах с определенным уровнем товарно-денежных отношений, если там преобладали натуральные государственные повинности. Ведь сбор, хранение, перевозка и распределение продуктов по сравнению с деньгами являются более трудным и громоздким делом.

И чем больше отношений регулировалось, тем к большей системе контроля государство стремилось, подменяя вполне эффективные негосударственные традиционные (например, семейные, общинные, религиозные) и рыночные механизмы. Поэтому сами правители вовсе не считали, что государственный аппарат и его функции избыточны. Напротив, такое тотальное государство могло испытывать нужду во все новых контролерах и надсмотрщиках, полагая, что его проблемы порождены как раз недостаточным учетом. Так, например, один из царей третьей династии Ура в Месопотамии Шульги (2093–2046 до н. э.) личным указом велел брать в школы больше детей, в том числе из незнатных и нечиновных семей (см.: Емельянов 2003: 85–86), поскольку служащих следить за всем хронически не хватало. Неудивительно, что цари этой династии оставили больше всех письменных документов (глиняных табличек), на которых фиксировалось все, вплоть до голубя, поданного к столу.

Поэтому об избыточности таких отдельных ранних государств я говорю с точки зрения эволюции, поскольку эти модели в конце концов оказались неэффективными и зашли в тупик. Будущее развитие показало, что следить за всем – задача для государства непосильная. И не случайно, что с развитием рыночного хозяйства попытки создать «государственный коммунизм» прекращаются, хотя рецидивы тотального государственного контроля имели место и позже, например в Птолемеевском Египте.

Могли быть и иные варианты, кроме двух описанных, поскольку несбалансированность раннегосударственных образований проявляется самым разным образом.

4. Развитое государство

4.1. Предварительные замечания о методике анализа

Необходимо уточнить, что, когда идет речь об отличиях развитого государства от раннего, имеются в виду *минимально* обязательные признаки обоих типов. Например, если некоторые ранние государства могли базироваться на незерновом сельском хозяйстве, другие – существовать без товарно-денежных отношений и внутреннего рынка, иные – без письменности, письменного права и судебной системы, третьи – без постоянных налогов или постоянного войска, четвертые – обходиться без централизации и профессиональных чиновников, то среди развитых государств такого уже быть не могло. В то же время мы едва ли найдем хотя бы одну черту развитых государств, которой не было бы ни в одном раннем государстве. Тем более в ранних государствах на последнем, переходном этапе, когда зарождаются многие черты будущей стадии (см. об этом также: Claessen, Skalnik 1978a: 633–634; Claessen 1978: 589). Мало того, по каким-то отдельным показателям некоторые из ранних государств могут даже превосходить отдельные из развитых. Так, например, по уровню развития права Римская республика превосходила Индию XVI в.

Иными словами, отдельные ранние государства могли иметь некоторые из признаков развитых (письменность, профессиональный бюрократический и карательный аппарат, кодифицированное право и др.). Но ранние государства не обладают *всей системой* минимальных характеристик развитых государств (о которой – дальше). А чтобы считать какое-то государство развитым, оно должно обладать всей совокупностью таких признаков. Следовательно, необходимо сравнивать их по обладанию **полной системой минимальных характеристик**.

Это важно иметь в виду и по причине того, что в качестве критериев различий между ранними и развитыми (зрелыми в иной терминологии) государствами порой выделяют достаточно узкие и, образно говоря, конкретно-осязаемые отличия. В частности, Классен и Скальник выдвигали *изменения идеологии* в качестве важнейшего критерия (Claessen, Skalnik 1978a: 633–634; см. также: Claessen, Oosten 1996: 1–23). Согласно их формулировкам, структура раннего государства базируется на концепции реципрокности (взаимности) и родственной близости к правителю¹⁷. Раннее государство существует, пока идеологические основания государства покоятся на этих идеях и представлениях. Однако чем больше оно развивается, тем слабее становится роль этих идеологических компонентов. Эффективный государственный аппарат постепенно делает ненужным обращение к сверхъестественным способностям правителя или постоянному исполнению его реципрокных

обязательств. Постепенно «сакральная» легитимация власти (*sacral legitimation*) перерастает в «правовую» легитимацию (*'legalistic' legitimation*), основанную на законе, праве, установленном государственном порядке, что и обозначает границу между типами государств.

Действительно, смена идеологии – это важный момент, который может в ряде случаев быть показателем рубежа между эволюционными типами государств. Но все же легко найти примеры, к которым это не применимо. Несомненно, что Римская республика, так же как и Афины, Спарта и другие гражданские общины имели вполне развитую политическую идеологию, которая не нуждалась в обращении к «сверхъестественным способностям правителя» (см., например: Бочаров 1936: 87, 117, 120, 201; об идеологии итальянских республик см.: Дюби 1994: 206–211). И, как известно, многие ранние государства принимали буддизм, христианство, ислам еще на начальных этапах развития, не становясь от этого развитыми. Эти религии также в равной степени могли быть идеологией как ранних, так и развитых государств.

Как уже сказано, я стремился выделять главные черты при сравнении раннего и развитого государств именно по **среднему** этапу их развития (то есть *типичного* государства каждой стадии), по возможности оставляя без внимания остающуюся в них архаику или явления, свойственные более высокой стадии. Ведь, с одной стороны, на последних этапах каждой стадии государственности (*переходного* государства) появляются различные моменты, которые уже не характерны для нее. Это свидетельствует о подготовке к переходу к следующей стадии. С другой стороны, на начальном этапе любой стадии государственности еще очень-очень много черт предыдущей стадии. Поэтому в зависимости от задачи можно делать упор как на сходствах и непрерывности процесса, так и на его узловых моментах. Например, Римская республика в период правления Октавиана Августа (конец I в. до н. э. – начало I в. н. э.) переросла в империю. Логично взять этот период также за начало превращения Римского государства из раннего в развитое. При этом легко указать как на огромное сходство между поздней республикой и ранним принципатом, так и на важное различие между этими эпохами, которое затем будет все более и более давать себя знать, то есть на зародившуюся императорскую власть. Но только в III в. н. э. Римская империя наглядно и ярко демонстрирует черты развитого государства: «иерархическую систему сословий и наследственное приращение людей к их профессиям и статусам, разветвленный огромный полицейско-бюрократический аппарат, «теократическую» власть императора, обязательную для всех подданных государственную религию, санкционировавшую официальную идеологию» (Штаерман 1968: 659; см. также: Петрушевский 2003).

В ряде случаев о вступлении в начальный этап развитого государства можно говорить только ретроспективно, с учетом дальнейшей эволюции этого государства. Вот как, например, описывает такие из-

менения в отношении Ирана (III–IV вв. н. э.) В. Г. Луконин (1987: 141, 137): «Раннесасанидская монархия, в сущности, мало чем отличается от парфянской, однако изменившиеся условия способствуют постепенной централизации государства. На смену полису приходит “царский город”, на смену системе полунезависимых царств – единая государственная административная система, на смену религиозной терпимости парфянских царей и множеству религий – единая государственная религия – зороастризм», – а также: «Сасанидский период характерен постоянно растущей тенденцией к централизации».

4.2. Общая характеристика развитого государства

Прежде всего надо отметить, что развитое государство более органично обществу, точнее говоря, государство становится естественной его формой, хотя сам процесс притирки мог идти негладко и болезненно. Путь к этому был длительным и непростым, поскольку такое государство было итогом многочисленных трансформаций, переворотов, распадов и собраний земель, в течение которых происходил отбор наиболее удачных вариантов соотношения государства и социально-этнических структур. Чтобы оно появилось, с одной стороны, нужен был существенный прогресс в его политическом, административном и правовом устройстве, в идеологии. А с другой стороны, требовалось достижение необходимого уровня этнического, социального, экономического и культурного развития, в результате чего общество становится социально и этнически достаточно консолидированным.

Крайне существенно, что развитое государство не просто тесно связано с особенностями социальной и корпоративной структуры общества и закрепляет эти особенности в политических институтах, но и гораздо более целенаправленно и активно влияет на социальные процессы.

Развитое государство выступает как государство централизованное и сформировавшееся, то есть имеющее все атрибуты государства. Такое государство складывается в результате долгого развития самой техники управления и администрирования, расширения и профессионализации административных и иных структур, подгонки аппарата для решения определенных задач. Поэтому многие признаки, которые могли встречаться, но могли и отсутствовать в ранних государствах, в развитых становятся обязательными: профессиональный аппарат управления и подавления, налоги, территориальное деление, а также наличие писаного права.

Естественно, что разные государства достигали стадии развитого государства в разное время¹⁸. Например, Египет – с Нового царства (примерно XVI в. до н. э.); Китай – в результате объединения его в первую централизованную империю Цинь в конце III в. до н. э.; Рим достиг этого уровня примерно в конце I в. н. э.; Византия сразу возникла как развитое государство (поскольку римские традиции здесь не прерывались); Иран – после упрочения Сасанидской династии III–IV вв. н. э.; Япония вступила в стадию развитого государства в начале XV в., когда

сёгунам из династии Асикага удалось укрепить позиции центральной власти. Франция начала вступать в эту стадию в конце XIII века при Филиппе IV Красивом, но Столетняя война задержала этот процесс. Испания становится развитым государством в конце XV в. (в результате объединения Кастилии и Арагона); Англия – также в конце XV в. (после войны Алой и Белой Роз и воцарения династии Тюдоров); Индия – через некоторое время после образования империи Моголов во второй половине XVI в. в период правления Акбара (1556–1605), который объединил под своей властью основную часть территории Индии и провел важные реформы государственного управления; Россия – во второй половине XVI в. во время царствования Ивана Грозного¹⁹ (подробнее обоснование хронологии см.: Гринин 2006а).

Исходя из сказанного, **развитое государство – это категория, с помощью которой описывается форма политической организации цивилизованного общества (группы обществ); отделенная от населения централизованная организация власти, управления, принуждения и обеспечения социального порядка в виде системы специальных институтов, должностей (званий), органов, законов (правил), обладающая: а) суверенностью; б) верховностью, легитимностью и реальностью власти в рамках определенной территории и круга лиц; в) возможностью изменять отношения и нормы.**

4.3. Отличия развитого государства от раннего

Далее перечисляются сформированные мной *минимальные* признаки развитого государства в сравнении с ранним государством. Я стремился сделать эти характеристики более содержательными, поэтому фактически каждая такая характеристика состоит из целого ряда важных моментов:

а) Развитое государство имеет больше атрибутов государственности, которые к тому же более развиты.

В нем уже достаточно ясно и в системе прослеживаются все признаки государства: особый отделенный от населения аппарат управления и насилия; налоги; развитое территориальное административное деление. И помимо этого еще обязательно имеются письменное право, особая письменная культура управления, учета и контроля²⁰. Такое государство не может довольствоваться ополчением, а обычно имеет постоянную армию. В нем имеется более развитая система повинностей. Архаические повинности и доходы (дань, подарки, полюдь, отработки, доходы от военного грабежа или контрибуций), исчезают или играют подчиненную роль. А налоги становятся более регулярными.

б) Развитое государство является сословно-корпоративным государством.

Социальная структура начинает изменяться в сторону того, чтобы быть представленной более крупными общественными группами, а не множеством мелких социальных слоев или социально-территориаль-

ных единиц (вроде независимых городов и храмов с особыми привилегиями). Налицо также этнически сложившиеся народности, а не племенной конгломерат или сосуществование массы мелких родственных народов. В результате общество становится социально достаточно консолидированным. Указанная консолидация сословий связана с уменьшением замкнутости и обособленности областей и территорий, с экономическим объединением общества, более плотными контактами представителей высших слоев между собой. Но нельзя не отметить и активность государства в этом отношении, которая заключается в юридическом оформлении сословий, а в целом – в том, чтобы сделать общество более жестким, устойчивым, уменьшить социальную мобильность или канализировать ее.

В свою очередь, государство и в устройстве, и в политике все более явно отражает особенности своего социального (и этнического) состава, активно влияя на социальную структуру общества и выступая посредником между сословиями и корпорациями. Также может идти процесс более четкого оформления системы титулов, рангов, также чинов служащих (в последнем случае особенно там, где правящий класс совпадает с классом чиновников («государство-класс», по определению М. А. Чешкова [1967: 243–245])).

в) Развитое государство – это обязательно централизованное государство, в целом более устойчивое и крепкое, чем раннее.

Развитое государство не может быть политическим конгломератом, как это часто было в ранних государствах. Это уже не просто объединение территорий, которые распадаются, как только сила центра ослабла. Конечно, возможны распады и развитых государств, особенно на начальном этапе, когда только происходит процесс централизации. Но если дальнейшее развитие этого типа государства идет, оно обязательно связано с новой и часто более прочной централизацией на примерно той же территории. Это объясняется тем, что развитое государство формируется на определенной, исторически подготовленной в материальном и культурном плане к такому единству территории за счет общей культуры, идеологии, письменности, развития коммуникаций, торговли, определенной унификации, в том числе денег, мер, права и другого.

г) В развитом государстве более высокая хозяйственная база.

В частности, развитое государство, в отличие от раннего, не может возникнуть без зернового хозяйства, и тем более на основе скотоводства. В то время как ряд африканских государств возник на базе сельского хозяйства, в котором зерновые культуры не играли преобладающей роли, а ведущими были иные: ямс, банан, маниок, земляные орехи и т. п. (см., например: Бондаренко 1995: 103). В развитом государстве не может отсутствовать внутренний рынок и господствовать натуральное хозяйство, какими были некоторые ранние государства (империя Инков, Египет Раннего царства). Требуется хотя бы некото-

рое развитие товарно-денежных отношений. Должна существовать не только специализация ремесел, но и намечаться хозяйственная специализация (пусть еще и слабая) районов, то есть формироваться единый хозяйственный организм в государстве²¹.

д) Если многие ранние государства существовали на основе варварских обществ, то **развитое государство обязательно оформляет общество уже цивилизованное**. Поэтому такое государство складывается только в районах достаточно продвинутых цивилизаций и часто на базе ведущего этноса.

е) **Развитое государство** существенно лучше, чем раннее, подходит под определение, что это **организация принуждения (насилия), созданная для того, чтобы высшие классы могли эксплуатировать и держать в повиновении низшие**. Во многих же ранних государствах эксплуатация не достигает высокого уровня (см., например: Trouwborst 1987: 131; Service 1975).

ж) **Наличие нового типа государственной идеологии и/или религии**. Вместо примитивных идей о царской власти (мифические предки, сверхъестественные качества царя и т. п.) возникает политическая идеология в широком смысле слова. Ярким примером может служить конфуцианство в Китае (Васильев 1983). Но, конечно, такая идеология очень часто имеет какой-то религиозный камуфляж, как, скажем, концепция XVI в. «Москва – третий Рим» (см.: Пайпс 1993: 306–307). В результате во многих развитых государствах, как это было, по мысли А. С. Мартынова (1982: 6–7), в Китае и других странах Восточной Азии, государство становилось сакральным само по себе. Это нередко требовало союза государства с официальной церковью (см., например, в отношении некоторых европейских государств: Ле Руа Ладюри 2004: 8).

5. Зрелое государство

5. 1. Общая характеристика

Зрелое государство, в моей концепции, является уже результатом развития капитализма и промышленной революции, то есть имеет принципиально иной производственный базис. Другие отличия зрелого государства от предшествующих ему типов также очень велики. Оно опирается на сложившуюся или складывающуюся нацию со всеми ее особенностями²². Поэтому такое государство более развито в организационном и правовом плане, обязательно имеет профессиональную бюрократию, четкий механизм и прописанную процедуру легитимной передачи власти. Как правило, создаются конституции и системы разделения властей, возрастает роль права, особенно гражданского. В целом (за исключением тоталитарных и авторитарных государств) системы права и судопроизводства достигают в зрелых государствах такого развития и совершенства, что сравнивать их с предшествующими эпохами сложно. В результате важнейшей функцией зрелого государства становится обеспечение не только социального, но и

обычного правопорядка, на который в развитом государстве часто обращалось слабое внимание. В связи с ростом роли отношений собственности и утверждением равенства граждан перед законом, отменой сословных преимуществ зрелое государство постепенно трансформируется из сословно-классового в чисто классовое государство.

Исходя из сказанного, **зрелое государство – это категория, с помощью которой описывается органическая форма политической организации экономически развитого и культурного общества в виде системы бюрократических и иных специальных институтов, органов и законов, обеспечивающая внешнюю и внутреннюю политическую жизнь; это отделенная от населения организация власти, управления, обеспечения порядка, социального или иного неравенства, обладающая: а) суверенностью; б) верховностью, легитимностью и реальностью власти в рамках определенной территории и круга лиц; в) развитым аппаратом принуждения и контроля; г) систематическим изменением отношений и норм.**

Стоит обратить внимание, что если развитое государство определено как *естественная* форма политической организации общества (то есть, хотя оно необходимо для поддержания социального порядка, все же, если бы не угроза нашествий, основное крестьянское население, в принципе, могло бы обойтись без государства и тем более без крупного государства), то зрелое государство – как *органическая* форма политической организации, то есть это форма, вне которой общество (и население) быть не может в принципе.

При этом сама государственность становится как бы отделенной от конкретных людей. Если в монархиях в начальный период зрелого государства монарх, подобно Людовику XIV, еще мог заявить: «Государство – это Я!» – (и то в XVII, а не в начале XX в.), то в конституционных режимах это уже было просто невозможно. Возникает и определенная автономия аппарата и армии, которые все более выступают как некий абстрактный механизм служения обществу²³. Все это создает основу для формирования гражданского общества.

В плане взаимоотношения государства и общества, государства и личности я считаю, что необходимо говорить о появлении нового типа идеологии, которую в целом можно определить как **гражданскую**, поскольку она объясняла взаимоотношения человека и государства с точки зрения человека-гражданина, имеющего равные по закону права и обязанности, живущего в особом национально-государственном сообществе. Эта гражданская идеология в результате революций, реформ и распространения образования постепенно заменила сакрально-традиционную идеологию развитого государства с ее представлениями о святости монаршей власти и нерушимости сословного социального порядка. Наиболее универсальным видом гражданской идеологии можно считать **национализм**. Другими влиятельными идеологиями эпохи классического капитализма были либерализм, демократизм, ре-

волюционизм и реформизм. В более поздний период появляются империализм (как идеология), коммунизм, фашизм, антикоммунизм. В результате изменяются критерии достоинства государства. Теперь не пышность двора, а экономическое могущество нации, более справедливый социальный порядок, а затем и уровень жизни населения постепенно становятся критериями уровня государства, его прогрессивности.

В зрелом государстве институты управления, а также аппарат принуждения и контроля и более развиты, и более специализированы, тогда как в развитом государстве эти органы и институты далеко не всегда имели четко обозначенные функции. Напротив, как высшие, так и местные органы часто являлись многофункциональными и в то же время неопределенными по задачам²⁴. А бюрократия в истинном смысле этого слова в основном концентрировалась только в отдельных сферах, разных для разных стран (например сборе налогов или судах), а в других областях жизни, особенно на уровне местного управления, могла отсутствовать (см., например, для Франции еще и XVIII в.: Малов 1994: 140). Даже в Китае чиновничий аппарат не проникал до самых низовых структур, и поэтому на местах функции чиновников в значительной мере ложились на плечи представителей ученого сословия *шэньши* (см., например: Никифоров 1977: 211–213).

Францию можно относить к зрелым государствам с конца XVII в. (период царствования Людовика XIV). Один только факт покажет объем изменений в управлении страной, произошедший к этому времени. К началу XVI в. во Франции насчитывалось около 8 тыс. чиновников, к середине XVII в. их численность возросла до 46 тыс. (Копосов 1993: 180). Англию – в первые десятилетия XVIII в., то есть через некоторое время после «славной» революции, когда начала оформляться новая система государственного управления: конституционная монархия, двухпартийная система, однопартийное правительство. Пруссию – с конца XVIII в. К началу XIX в. «в военной, а также гражданской бюрократической администрации она создала эталоны для всей Европы» (Парсонс 1997: 100). Россию – с начала XIX в., то есть с реформ Александра I при участии Сперанского. Японию – с последней трети XIX в. (после «реформ Мэйдзи»). США становятся таким государством после эпохи, которая называется «джексоновской демократией» по имени президента Эндрю Джексона (1829–1837), когда там складывается двухпартийная система и отменяется избирательный ценз²⁵. (Подробнее обоснование хронологии см.: Гринин 2006а.)

5. 2. Основные черты зрелого государства

Я выделил следующие черты зрелых государств на среднем этапе этой стадии (*типичного* зрелого государства)²⁶:

а) это уже индустриальное или индустриализирующееся государство, в котором складывается единый хозяйственный организм, связанный удобными коммуникациями. При этом забота о его функционировании (транспорте, связи, внешних рынках) и развитии постепен-

но становится все более важной задачей государства. Важную роль также играют военные потребности;

б) это государство с достаточно высоким уровнем организации управления, развитой системой законов или государственных регламентаций (как это было в социалистических странах);

в) зрелое государство опирается на нацию (нации), поэтому может иметь место лишь в обществе с общей национальной (или наднациональной) культурой. Государство озабочено влиянием на эту культуру, включая контроль за языком, религией, образованием и т. п. Отсюда в государственной идеологии всегда присутствует национализм (или иная идеология превосходства жителей данного государства, например их особой прогрессивности, революционности, религиозности, демократичности, историчности и т. п.);

г) это государство **классово-корпоративное**, в котором постепенно главную роль начинают играть промышленные классы (роль сословий постепенно сходит на нет, а роль отношений собственности или места в государственной системе/партии растет). Поскольку классовое деление является по преимуществу экономическим (см., например: Weber 1971; Вебер 2003), а не юридическим, необходимо наличие организаций и корпораций, которые выражают интересы отдельных частей и групп класса (иногда класса в целом). Это различные организации и политические партии как рабочих (см., например: Bergier 1976), так и буржуазии²⁷, а также и других социальных слоев;

д) если в развитых государствах широкое распространение грамотности было редким явлением, а источники информации в виде книг оставались в руках верхних слоев, то в зрелых уже в XVIII–XIX в. это становится доступным широким массам, возрастает роль средств массовой информации. Отсюда меняются формы, стили и направленность управления и контактов правительства с народом;

е) наконец, зрелое государство опирается на новые виды внутриобщественных связей:

– материальные связи – единый хозяйственный организм и единый рынок;

– культурные связи – единый культурно-информационный организм;

– национальные связи – осознание национального единства и появление новых символов этого единства: нация, интересы нации, высшие интересы;

– сплочение на базе идеологии: культ закона и конституции, нации (либо культ партии, идеи, вождя);

– сплочение на базе участия в общенациональных организациях и корпорациях (профсоюзы, партии, движения) и участия в выборах власти.

5. 3. Трансформация зрелого государства в XX веке

Стадия зрелого государства связана с формированием классов предпринимателей и наемных работников и **созданием классово-корпоративного государства**. Для развитых государств Европы этот процесс

завершился примерно к концу XIX в. Я уже высказывал идею о том, что чем полнее устанавливается юридическое равенство в правах людей, тем сильнее начинают размываться социальные классы и превращаться в более дробные и менее сплоченные группы: страты, слои и т. п. (см. Гринин 1997а: 61–62). Именно так происходило в Европе в первой половине XX века. Такая трансформация зрелого государства связана с очень быстрыми изменениями в производстве, включая усиление миграционных процессов, создание конвейерного производства, рост образования, новой сферы услуг, превращение женского наемного труда в массовое явление и другие вещи (о некоторых из них см., например: Dahrendorf 1976; Маршалл 2005: 23). Достаточно сказать, что промышленное производство в мире с 1890 по 1913 годы выросло почти в четыре раза (Соловьев, Евзеров 2001: 280).

Важнейшими чертами этой новой социальной структуры стали:

– формирование так называемого среднего класса, который постепенно стал ведущим по численности (Фишер 1999: 89);

– усиление таких признаков социальной стратификации, как образование и рост социальной мобильности (Фишер 1999: 91). Соответственно сильно выросла доля наемных служащих;

– рост значения социального законодательства и законы, ограничивающие поляризацию общества (такие, как высокие подоходные и на наследство налоги и т. п.)²⁸;

– усиление значения таких факторов, которые ранее не являлись ведущими в рамках общенациональных и общегосударственных (они были, так сказать, важными для низовых ячеек общества): половые, возрастные и профессионально-групповые характеристики.

В течение XX века социальная политика претерпевает очень сильные изменения. **Государство из классового постепенно становится социальным, то есть государством, которое проводит активную политику поддержки малоимущих, социально незащищенных, ограничивает рост неравенства.** Этот процесс начался в конце XIX в., более заметен стал в период после Первой и еще более – после Второй мировой войны²⁹. Фактически вся первая половина XX века до окончания войны – это борьба вокруг важнейших социальных законов. Идеологию и взгляды на этот счет во многих странах резко изменили глобальные социально-экономические события: революции, пример СССР, мировой экономический кризис и другие. И далее этот курс только усиливался и развивался, пока западноевропейские и другие развитые страны не стали государствами «благоденствия» (см. об этой динамике социального развития: Фишер 1999: 335–351). Огромные перемены произошли в области перераспределения доходов. Это достигалось, в частности, с помощью высокого прогрессивного налога на доходы (см., например: Фишер 1999: 86–87) и социальной помощи менее обеспеченным, оказавшимся в трудном положении. В результате развития социальных программ налоговые изъятия существенно

выросли по сравнению с периодом классического капитализма (до 50 и более процентов с личных доходов)³⁰.

Когда в 50–60-е годы XX века США и ряд европейских западных стран стали **государствами всеобщего благоденствия и обществами массового потребления**, это, по сути, уже означало, что зрелое государство приобретает некие нехарактерные для него черты и развивается в нечто новое.

6. Заключение

С 60-х годов XX века начались очень большие изменения во всех сферах жизни, особенно в результате новой производственной (научно-технической) революции. В частности, стоит указать на увеличение роли различных социальных движений в западных странах, не имеющих классового характера (студенческие волнения, расовые движения, движения молодежи, женское, «зеленых», организации потребителей и т. п. движения). Классовые характеристики все более размываются, в том числе за счет так называемого распыления собственности (см., например: Dahrendorf 1976), а социальная структура все сильнее определяется не только владением собственностью, но и иными параметрами, включая образование и известность³¹. Все эти черты не являются уже, на мой взгляд, характерными для зрелого государства, так же как и огромные социальные гарантии населению.

Есть и другие, также уже несвойственные типичным зрелым государствам вещи. Среди них особенно показательным выступает совершенно новое и крайне важное явление – частичный отказ многих стран от суверенитета в плане определения своей внутренней налоговой, таможенной, карательной и социальной политики, права вести войны и т. п. в связи с добровольным вхождением в региональные и мировые организации, признанием приоритета мирового права над национальным (см. подробнее: Гринин 1999; 2004а; 2005). Стоит отметить и образование различных наднациональных организаций, рост их значения.

Таким образом, многие нынешние характеристики западных государств нельзя безоговорочно относить к зрелому государству. Поэтому думается, что с 60–70-х годов XX века США, ведущие европейские страны: Германию, Францию, страны Северной Европы и Бенилюкса (Японию и некоторые европейские страны в 80–90-е годы) – надо рассматривать уже как *переходные* зрелые государства, в которых вызревают некоторые черты будущих политических наднациональных, надгосударственных образований. А это значит, что в них уже налицо некоторые черты, которые вообще не характерны для государства как организации. Поэтому можно предполагать, что приближается конец эпохи зрелых государств, на смену которой идет новая – надгосударственная и наднациональная – стадия политического развития мира (см. подробнее: Гринин 1999; 2003а: 159–165; 204–206; 234–235).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Слово *категория* в качестве определяющего дополнительно подчеркивает, что государство слишком сложный объект, чтобы охватить его единственной дефиницией, и неслучайно существуют сотни различных определений государства. По этой причине я попытался подойти к проблеме дефиниции государства путем создания взаимосвязанной системы определений.

² Неудивительно, что так много ученых прямо или косвенно поддержали этот подход, приняв участие в разработке проекта *Раннего государства* (Claessen, Skalnik 1978d; 1981; Claessen, van de Velde, Smith 1985; Claessen, van de Velde 1987b; 1991; Claessen, Oosten 1996b).

³ Во всяком случае, в статьях тома «Раннее государство» (Claessen, Skalnik 1978d) о Египте и Китае (Janssen 1978: 213; Pokora 1978: 198–199) раннему государству в Египте соответствует период Древнего царства (до 2150 г. до н. э.); а эпоха раннего государства в Китае трактуется как период до образования империи Цинь (до 221 г. до н. э.).

⁴ Отдельные авторы вообще считают, что о государстве, по большому счету, можно говорить лишь применительно к европейским странам Нового времени начиная с XV–XVI вв. (см., например: Белков 1995: 178–182). Винсент (Vincent 1987) также говорит о *государствах* начиная лишь с XVI в. Есть и другие ученые, которые придерживаются сходной позиции (см. об этом в статье ван дер Влита в настоящем томе).

⁵ Такие названия этапам я дал, следуя традиции Классена и Скальника в отношении ранних государств, которые выделяли этапы зачаточного, типичного и переходного раннего государства (см.: Claessen, Skalnik 1978b: 22–23; 1978c: 640; Claessen 1978: 589).

⁶ Конечно, определение «развитое» государство весьма условно. Развитым его можно считать только в сопоставлении с еще более примитивным – ранним, а по отношению к более поздним формам государства оно предстает убогим. Так, по сравнению с «вотчинным» московским княжеством Ивана Калиты и его преемников Россия Ивана Грозного выглядит развитым государством. Но она не выдерживает никакого сравнения хотя бы с империей Петра I. Но и государство Петра I весьма примитивно по сравнению с Российской империей конца XIX века.

⁷ Эти четыре черты в том числе означают, что государство отличается от аналогов большей сложностью управленческой организации; большей преобразовательской активностью, способностью принуждать к выполнению своих требований и менять отношения и нормы, исходя из собственных задач и интересов; большей опорой на формальные, юридические, административные, то есть нетрадиционные основания; принципы, по которым люди привлекаются на службу государству, могут быть разными, но они никогда не ограничиваются только особым положением человека в системе родства (Гринин 2006г; 2006д).

⁸ В отношении, в частности, Египта и Китая Классен и Скальник указывают на период децентрализации и хаоса в их истории (соответственно между Древним и Средним царствами и до образования империи Цинь в III в. до н. э.) как на границу между стадиями раннего и зрелого (развитого) государств (Claessen, Skalnik 1978a: 634).

⁹ Вот только один пример. В XII веке французский король Людовик VII с помощью династического брака с Алиенорой Аквитанской приобрел самое большое во Франции герцогство Аквитанию с графством Пуату. Но вскоре он потерял это вла-

дение в результате своего развода с Алиенорой. Несколько месяцев спустя она вышла замуж за Генриха Плантагенета (графа Анжу, которому во Франции также принадлежали графства Мэн и Турень и герцогство Нормандия). Соответственно и Аквитания теперь стала областью Генриха. Далее события развивались и вовсе интересно. Стоит напомнить, что после завоевания Англии в 1066 году нормандским герцогом Вильгельмом родственные связи между английской и французской знатью сильно переплелись. В 1154 году указанный Генрих Плантагенет волею случая стал английским королем. И все его французские земли (от Ла-Манша до Пиренеев) также перешли к Англии. Но формально он оставался вассалом французского короля (см.: Кириллова 1980: 216–217; Колесницкий 1980: 194; Люблинская 1972: 97).

¹⁰ Такая социальная и политическая неустойчивость характерна не только для греческих полисов, но и для городов-государств средних веков в Италии. Недаром же говорили, что «флорентийский закон держится с вечера до утра, а веронский – с утра до полудня» (Баткин 1970: 240).

¹¹ См. об этом: Гринин 2001–2005 (*Философия и общество* 3/2002: 12–17). Также нередко в ранних государствах недостаточно выражено социальное расслоение (некоторые примеры таких государств см.: Маретина 1987; см. также: Куббель 1973: 232; Томановская 1973: 280). По поводу налогов весьма примечательно высказывание Альберта Тромборста, который, отметив, что государства Африканского Межозерья не создали полноценной налоговой системы, добавляет, что если бы они ее создали, это, возможно, было бы уже *концом* раннего государства (Trouwborst 1987: 136).

¹² Массу примеров в этом плане дает Африка (см., например: Куббель 1988: 132 и др.). Но в то же время в этих государствах могли быть более развиты иные признаки, например налогообложение.

¹³ Неудивительно, что в отношении ранних государств данные о существовании полицейских сил очень скудны. Из двух десятков государств, рассматриваемых в книге Классена и Скальника, только в четырех случаях есть такие упоминания о полиции (Claessen 1978: 560).

¹⁴ Римляне определяли такую политику как принцип «разделяй и властвуй». Его придерживались и карфагеняне. При известных условиях он может быть достаточно эффективным. Но для нас важно отметить, что **в развитом государстве такой принцип построения в качестве главного уже сходит со сцены**. Развитое государство все сильнее стремится к централизации и унификации, хотя, конечно, особые отношения провинций и территорий с центром (королем) не уходят полностью и в нем.

¹⁵ В этом обществе социально господствующий класс начал формироваться на основе принадлежности к государственной службе, а низший соответственно складывался из работников государственных хозяйств (Дьяконов 2000: 64–65). Но в целом развитие шло в сторону превращения большинства населения в государственных рабов или крепостных (Васильев 1993: 91; Виткин 1968: 433–434; Тюменев 1956: 266–300). Это было эволюционно неперспективным и вызывало кризисные явления еще до нашествия амореев, под ударами которых это государство и пало.

¹⁶ См.: об империи Инков (Березкин 1991; Зубрицкий 1966; 1975; Инка Гарсиласо 1974; Кузьмишев 1974; Naviland 1991: 408); Древнем Египте (Перепёлкин 1988; 2001; Виноградов 2000; Заблоцка 1989; Брестед, Тураев 2003; Жак 1992); Месопотамии (Дьяконов 1983: 370; Козырева 2000: 83; Оппенгейм 1990: 66, 67).

¹⁷ Первый момент (*реципрокности*) связан с идеей о том, что царь и народ взаимно необходимы друг другу. Правитель, а значит и государство, нужны людям по многим причинам, в том числе для влияния на урожайность и другие при-

родные силы с помощью сверхъестественной сакральной благодати царя. Последняя идея была особенно распространена во многих африканских государствах. Второй момент (*родственной близости*) означает, что право на участие во власти у человека тем сильнее, чем ближе он стоит в родственном ряду к правителю.

¹⁸ Даты далее указывают только на самое начало вхождения в стадию развитого государства, а эта стадия имеет большую длительность.

¹⁹ См. соответственно: Египет (Виноградов 2000: 370–372; Перепёлкин 2001: 259–280; Брестед, Тураев 2003; Васильев 1993: 110–111; Монтэ 1989: 167–168); Китай (Крюков, Переломов 1983: 17–21; Переломов 1962); Рим (Петрушевский 2003; Штаерман 1968); Византия (Удальцова 1967; 1988); Иран (Луконин 1987; Новосельцев 1995: 24, 31; Фрай 1972; Колесников 1987); Япония (Толстогузов 1995; Кузнецов и др. 1988); Франция (Люблинская 1972: 94–109; Цатурова 2002: 12–13; Нау 1975: 138; Johnson 1955: 105–106); Англия (Дмитриева 1993); Индия (Ашрафян 1987; Антонова 1979).

²⁰ Стоит заметить, что нередко в ранних государствах, даже если имелась письменность, далеко не все государственные акты имели письменный характер. Многие, а то и большинство актов оставались по-прежнему устными. Так было, например, по мнению Ле Гоффа (1992: 45), в империи Карла Великого во Франции.

²¹ О формировании такого рынка, например, в России, Китае, Японии, Англии см. соответственно: Преображенский 1967: 25–28; Хромов 1988: 148–152; Симоновская, Лапина 1987: 119; Гальперин 1958: 27; Кузнецов и др. 1988: 115; Винокуров 1993: 48; Лавровский, Барг 1958: 72.

²² Подробнее о теснейшей связи нации с государством см.: Геллнер 1991; Armstrong 1982; Фрейдзон 1999: 10–12; Гринин 1997б; 2003а: 201–203, 222–235.

²³ Даже в тоталитарных странах строгая идеология, «народная» правящая партия и другие институты формально существовали для блага народа и общества, что существенно сокращало личные возможности чиновников.

²⁴ Например, во Франции XVI века (так же было и в России и в других странах в аналогичные эпохи) существовал «узкий» совет короля, состав которого был неопределенным, а функции весьма расплывчатыми. То же можно сказать и о представителях старой администрации – бальи, сеншалы, прево, губернаторы с «их чрезвычайно неопределенной административно-судебной и военно-административной компетенцией» (Сказкин 1972: 170, 171). «За пределами двора и правительства для классической монархии характерна лишь частичная, и порой слабо централизованная, система административного управления». Положение начинает изменяться только в XVII в., особенно при Ришелье (Ле Руа Ладюри 2004: 15).

²⁵ См. соответственно: Гордон, Поршнева 1972: 261–269; Rayner 1964: 42–44; Малов 1994: 142–150; Татарина 1958; Кертман 1968: 131–135; Платонов 1994, ч. 2: 235–248; Кузнецов и др. 1988: 174–186; Топеха 1958: 181–312; Кордые 1939: 330–332; Адо 1986: 102–103; Харц 1993: 89–109; DiVacco *et al.* 1992: 27; Болховитинов 1983: 313; Козенко, Севостьянов 1994: 63; Графский 2001: 298, 416–420, 448.

²⁶ А средний этап сильно отличается от начального. Например, если начальный этап – это обычно монархия, то средний – в той или иной степени демократия. В *начальном* этапе в зрелом государстве встречается определенная архаика, доставшаяся в наследство от прежних эпох, некоторая слабость государства. Например, во Франции XVIII в. продолжается продажа должностей и остаются внутренние таможи, а в России XIX в. поддержка крепостного права стала главной задачей государства. Позже эти архаизмы в результате эволюционных или революционных изменений исчезают.

²⁷ Например, в Англии в 1873 г. возникла первая национальная федерация предпринимательских союзов, в Германии в 70-е гг. XIX века было создано 77 различных объединений предпринимателей (экономических союзов и союзов предпринимателей), а в 90-е гг. – уже 325 (Григорьева 2001: 25) Надо иметь в виду, что в ситуации достаточно ясного классового деления даже чисто экономические корпорации не могут оставаться политически нейтральными. В частности, профсоюзное движение по мере роста и усиления своей мощи «неизбежно стремится воздействовать на государство и на его экономическую и социальную политику» (Шлепнер 1959: 386). Поэтому-то я считаю, что будет точнее говорить **о зрелом государстве как о классово-корпоративном государстве.**

Это будет тем более правильным, если учесть, что помимо демократических к зрелым относятся и тоталитарные государства XX в., где огромную роль играли именно государственные корпорации: партия, другие политические организации, министерства и ведомства, профсоюзы и т. п. Хотя они и были формально или неформально частью государства, тем не менее их роль (как и положение их членов) существенно разнились в зависимости от важности корпорации. О тоталитаризме см., например: Кара-Мурза и др. (ред.) 1989; Хейфиц 2003; Арендт 1996; Хайек 1992; Friedrich, Brzezinski 1956: 47; Драбкин, Комолова 1996. О синдицировании промышленности и профсоюзов в Италии, Германии и Японии в 30–40-е годы XX в. см.: Филатов 1971: 92; см. также: Белоусов 2000; Комолова 1970: 94; Бушик 2002: 316–317; Грузицкий 2002: 335.

²⁸ В последние десятилетия XX века в некоторых развитых странах нижний слой сжался до 5 %, верхняя элита также составляла менее 5 %, остальное – это ряд слоев, которые, так или иначе, можно отнести к среднему или ниже-среднему классу (см.: Фишер 1999: 89). Тогда так к низшему классу в начале XIX века можно было отнести до двух третей населения (см. там же).

²⁹ В некоторых случаях первые такие законы были приняты еще в XIX в. В частности, в Германии первые законы о социальном страховании были приняты при Бисмарке (Григорьева 2001: 23, Патрушев 2001: 76; Гренвилл 1999: 17). В Англии первые законы о социальном страховании, в частности о пенсиях, начали принимать уже в начале XX века (см.: Пономарев 2003: 171).

³⁰ Они стали несколько понижаться только в 80-е годы XX в. в связи с принятием неоконсервативного курса (корректирующего кейнсианство) в экономической политике ряда государств, таких как США, Англия и др. В частности, в США в 1986 г. «потолок» личных подоходных налогов сокращался с 50 до 28 %, а максимальная ставка налога на прибыль корпораций с 46 до 34 % (Повалихина 2002: 434).

³¹ См., например: Парсонс 1997: 27; Бергер 1994; а также мой анализ современных социальных процессов, в частности о тех, кого я называю «людьми известности», см.: Гринин 1997а: 50; 2003а: 220–222; 2004б; 2004в.

ЛИТЕРАТУРА

Адо, А. В. 1986. Франция. В: Адо, А. В. (ред.), *Новая история стран Европы и Америки: Первый период* (с. 101–113). М.: Высшая школа.

Антонова, К. А. 1979. Индия в средние века. В: Антонова, К. А., Бонгард-Левин, Г. М., Котовский, Г. Г. *История Индии* (с. 166–244). М.: Мысль.

Арендт, Х. 1996. *Истоки тоталитаризма*. М.: ЦентрКом.

Ашрафян, К. З. 1987. Феодалное государство и город в средневековой Индии (XIII – начало XVIII в.). В: Ким, Г. Ф., Ашрафян, К. З. (ред.), *Государство в*

докапиталистических обществах Азии (с. 229–238). М.: Главная редакция вост. лит-ры изд-ва «Наука».

Баткин, Л. М. 1970. Период городских коммун. В: Сказкин, С. Д., и др. (ред.), *История Италии*: В 3 т. Т. 1: 200–272. М.: Наука.

Белков, П. Л. 1995. Раннее государство, предгосударство, протогосударство: игра в термины? В: Попов, В. А. (ред.), *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности* (с. 178–182). М.: Вост. лит-ра РАН.

Белусов, Л. С. 2000. *Режим Муссолини и массы*. М.: изд-во МГУ.

Бергер, П. 1994. *Капиталистическая революция* / пер. с англ. М.: Прогресс, Универс.

Березкин, Ю. Е. 1991. *Инки. Исторический опыт империи*. Л.: Наука.

Болховитинов, Н. Н. 1983. От «эры доброго согласия» к «джексоновской демократии» (1816–1841). В: Болховитинов, Н. Н. (ред.), *История США*: В 4 т. Т. 1. 1607–1877 (с. 288–323). М.: Наука.

Бондаренко, Д. М. 1995. *Бенин накануне первых контактов с европейцами. Человек. Общество. Власть*. М.: Институт Африки РАН.

Бочаров, К. И. 1936. *Очерки истории военного искусства*. Т. 1. *Древний мир*. М.: Госвоениздат.

Брестед, Д., Тураев, Б. 2003. *История Древнего Египта*. Минск: Харвест.

Бущик, Г. П. 2002. Экономическое развитие Германии в период между Первой и Второй мировыми войнами. В: Голубович, В. И. (ред.), *Экономическая история зарубежных стран* (с. 301–320). Минск: Интерпрессервис.

Васильев, Л. С.

1983. *История религий Востока* (религиозно-культурные традиции и общество). М.: Высшая школа.

1993. *История Востока*: В 2 т. Т. 1. М.: Высшая школа.

Вебер, М.

1990 Предварительные замечания к Weber M. *Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie*, Bd. I. В: Вебер, М. *Избранные произведения* (с. 44–60) / пер. с нем. М.: Прогресс.

2003. [1925]. Класс, сословие, партии / пер. с нем. *Личность, культура, общество*. Т. 5. Вып. 1–2 (15–16): 139–156.

Виноградов, И. В. 2000. Новое царство в Египте и поздний Египет. В: Якобсон, В. А. (ред.), *История Востока*. Т. 1. *Восток в древности* (с. 370–432). М.: Изд. фирма «Восточная литература».

Винокуров, М. В. 1993. Англия. В: Мильская, Л. Т., Рутенбург, В. И. (ред.), *История Европы*: В 8 т. Т. 3. От средневековья к Новому времени (с. 40–50). М.: Наука.

Виткин, М. А. 1968. Проблема перехода от первичной формации ко вторичной. В: Данилова, Л. В. (ред.), *Проблемы истории докапиталистических обществ* (с. 425–454). М.: Наука.

Гальперин, А. Л. 1958. Эпоха позднего феодализма. 1640–1867. В: Гальперин, А. Л. (ред.), *Очерки новой истории Японии (1640–1917)* (с. 11–157). М.: Изд-во вост. лит-ры.

Геллнер, Э. 1991. *Нации и национализм* / пер. с англ. М.: Прогресс.

Гордон, Л. С., Поршнева, Б. Ф. 1972. Абсолютизм XVII века. В: Манфред, А. З. (ред.), *История Франции*. Т. 1: 235–284. М.: Наука.

Графский, В. Г. 2001. *Всеобщая история государства и права*. М.: Изд-во «Норма».

Гренвилл, Дж. 1999. *История XX века. Люди, события, факты* / пер. с англ. М.: Аквариум.

Григорьева, И. В. 2001. Введение. В: Григорьева, И. В. (ред.), *Новая история стран Европы и Америки. Начало 1870-х годов – 1918 г.* (с. 9–31). М.: Изд-во Моск. ун-та.

Гринин, Л. Е.

1997а. Формации и цивилизации. Гл. 4 Социально-политические, этнические и духовные аспекты социологии истории. *Философия и общество* 5: 5–63.

1997б. Формации и цивилизации. Глава 4 (продолжение). Социально-политические, этнические и духовные аспекты социологии истории. *Философия и общество* 6: 5–46.

1998. Формации и цивилизации. Глава 5. *Философия и общество* 2: 5–89.

1999. Современные производительные силы и проблемы национального суверенитета. *Философия и общество* 4: 5–44.

2001–2005. Генезис государства как составная часть процесса перехода от первобытности к цивилизации (общий контекст социальной эволюции при образовании раннего государства). *Философия и общество* № 4/2001 (с. 5–60); 2/2002 (с. 5–74); 3/2002 (с. 5–73); 2/2003 (с. 5–42); 3/2003 (с. 5–57); 1/2004 (с. 5–44); 4/2004 (с. 5–44); 4/2005 (с. 5–29).

2003а. *Производительные силы и исторический процесс*. Изд. 2-е. Волгоград: Учитель.

2003б. *Философия, социология и теория истории*. Изд. 3-е. Волгоград: Учитель.

2004а. *Глобализация и проблемы национального суверенитета*. Материалы «Круглого стола», посвященного Дню философии ЮНЕСКО, 18 ноября 2004 (с. 39–47). Бишкек: ОсОО «Дэна».

2004б. «Люди известности» как феномен информационного общества. Материалы Третьей Международной конференции «Человек в современных философских концепциях» (с. 653–657). Волгоград, 14–17 сентября 2004. Волгоград: Изд-во ВолГУ.

2004в. Феномен информационного общества: «люди известности». *Философия и общество* 2: 5–23.

2005. Глобализация и национальный суверенитет. *История и современность* 1: 6–31.

2006а. *Государство и исторический процесс*. Волгоград: Учитель. (В печати.)

2006б. Периодизация истории: теоретико-математический анализ. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Малков, С. Ю. (ред.), *История и математика: проблемы периодизации исторических макропроцессов*. (В печати.)

2006в. О стадиях эволюции государства. Проблемы теории. *История и современность* 1: 3–44.

2006г. Раннее государство и демократия. В: Гринин, Л. Е., Бондаренко, Д. М., Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В. (ред.), *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* (с. 337–386). Волгоград: Учитель.

2006д. Раннее государство и его аналоги. В: Гринин, Л. Е., Бондаренко, Д. М., Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В. (ред.), *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* (с. 85–163). Волгоград: Учитель.

Грузицкий, Ю. Л. 2002. Экономическое развитие Японии в период между Первой и Второй мировыми войнами. В: Голубович, В. И. (ред.), *Экономическая история зарубежных стран* (с. 321–337). Минск: Интерпрессервис.

Гуревич, А. Я. 1970. *Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе*. М.: Высшая школа.

Джонсон, Г. А. 1986. Соотношение между размерами общества и системой принятия решений в нем. В: *Древние цивилизации Востока* (Материалы 2-го Советско-американского симпозиума) (с. 92–103). Ташкент: Изд-во ФАН Узбекской ССР.

Дмитриева, О. В. 1993. Англия. В: Мильская, Л. Т., Рутенбург, В. И. (ред.), *История Европы*: В 8 т. Т. 3. От средневековья к Новому времени (с. 163–174). М.: Наука.

Драбкин, Я. С., Комолова, Н. П. (ред.) 1996. *Тоталитаризм в Европе XX века*. М.: Памятники исторической мысли.

Дьяконов, И. М.

1983. Старовавилонское царство Хаммурапи. В: Дьяконов, И. М. (ред.), *История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации*. Ч. 1. Месопотамия (с. 361–370). М.: Наука.

2000. Переход к территориальному государству в Месопотамии. В: Якобсон, В. А. (ред.), *История Востока*. Т. 1. Восток в древности (с. 57–66). М.: Вост. лит.-ра.

Дюби, Ж. 1994. *Европа в средние века* / пер. с фр. Смоленск: Полиграмма.

Емельянов, В. В. 2003. *Древний Шумер*. СПб.: Азбука-классика, Петерб. Востоковедение.

Ершов, Ю. Г. 1984. Принцип историзма в периодизации всемирной истории. *Ежегодник Философского общества СССР*: 270–277.

Жак, К. 1992. *Египет великих фараонов. История и легенда* / пер. с фр. М.: Наука.

Жигунин, В. Д. 1984. Типология и функции периодизации. В: Шофман, А. С. (ред.), *Периодизация всемирной истории* (с. 5–19). Казань: Изд-во Казанского ун-та.

Заблоцка, Ю. 1989 *История Ближнего Востока в древности* (от первых поселений до персидского завоевания) / пер. с пол. М.: Наука.

Зубрицкий, Ю. А.

1966. Индейский вопрос в трудах Мариатеги. В: Шульговский, А. Ф. (отв. ред.), *Хосе Карлос Мариатеги* (с. 170–200). М.: Наука.

1975. *Инки-кечуа. Основные этапы истории народа*. М.: Наука.

Инка Гарсиласо де ла Вега 1974. *История государства Инков* / пер. со староисп. Л.: Наука.

Кара-Мурза, А. А., Воскресенский, А. К. (ред.) 1989. *Тоталитаризм как исторический феномен*. М.: Философское общество СССР.

Кертман, Л. Е. 1968. *География, история и культура Англии*. М.: ВШ.

Кириллова, А. А. 1980. Англия в XI–XV вв. В: Колесницкий, Н. Ф. (ред.), *История средних веков* (с. 213–232). М.: Просвещение.

Козенко, Б. Д., Севостьянов, Г. Н. 1994. *История США*. Самара: Изд-во Самарского областного института повышения квалификации и переподготовки работников образования.

Козырева, Н. В. 2000. Старовавилонский период истории Месопотамии. В: Якобсон, В. А. (ред.), *История Востока*: В 6 т. Т. 1. *Восток в древности* (с. 78–92). М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН.

Колесников, А. И. 1987. Государство и сословная структура общества сасанидского Ирана (III–VII вв.). В: Ким, Г. Ф., Ашрафян, К. З. (ред.), *Государство в*

докапиталистических обществах Азии (с. 181–189). М.: Главная редакция вост. лит-ры изд-ва «Наука».

Колесницкий, Н. Ф. 1980. Франция в XI–XV вв. В: Колесницкий, Н. Ф. (ред.), *История средних веков* (с. 189–213). М.: Просвещение.

Комолова, Н. П. 1970. *Новейшая история Италии*. М.: Просвещение.

Копосов, Н. Е. 1993. Франция. В: Мильская, Л. Т., Рутенбург, В. И. (ред.), *История Европы*: В 8 т. Т. 3. *От средневековья к Новому времени* (с. 174–187). М.: Наука.

Кордые, А. 1939. Дальний Восток. В: Лависс, Рамбо (ред.), *История XIX века*. Т. 8: 309–346. М.: ОГИЗ, Гос. социально-экономическое изд-во.

Коротаев, А. В.

2000а. От государства к вождеству? От вождества к племени? (Некоторые общие тенденции эволюции южноаравийских социально-политических систем за последние три тысячи лет). В: Попов, В. А. (ред.), *Ранние формы социальной организации. Генезис, функционирование, историческая динамика* (с. 224–302). СПб.: Музей антропологии и этнографии РАН.

2000б. Племя как форма социально-политической организации сложных непервобытных обществ (в основном по материалам Северо-Восточного Йемена). В: Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В., Бондаренко, Д. М., Лынша, В. А. (ред.), *Альтернативные пути к цивилизации* (с. 265–291). М.: Логос.

Коротаев, А. В., Крадин, Н. Н., Лынша, В. А. 2000. Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания). В: Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В., Бондаренко, Д. М., Лынша, В. А. (ред.), *Альтернативные пути к цивилизации* (с. 24–83). М.: Логос.

Кочакова, Н. Б. 1995. Размышления по поводу раннего государства. В: Попов, В. А. (ред.) 1995: 153–164.

Крюков, М. В. 1974. Первобытнообщинный строй и зарождение классов и государства. В: Симоновская, Л. В., Юрьев, М. Ф. (ред.), *История Китая с древнейших времен до наших дней* (с. 6–16). М.: Вост. лит-ра.

Крюков, М. В., Переломов, Л. С., Софронов, М. В., Чебоксаров, Н. Н. 1983. *Древние китайцы в эпоху централизованных империй*. М.: Наука.

Куббель, Л. Е.

1973. К вопросу о некоторых особенностях исторического развития обществ Западного Судана в средние века. В: Бромлей, Ю. В. (ред.), *Основные проблемы африканистики. Этнография. История. Филология* (с. 232–239). М.: Наука.

1988. *Очерки потестарно-политической этнографии*. М.: Наука.

Кузнецов, Ю. Д., Навлицкая, Г. Б., Сырицын, И. М. 1988. *История Японии*. М.: Высшая школа.

Кузьмищев, В. А. 1974. Инка Гарсиласо де ла Вега. В: Инка Гарсиласо де ла Вега, *История государства Инков* (с. 683–711). Л.: Наука.

Лавровский, В. М., Барг, М. А. 1958. *Английская буржуазная революция*. М.: Изд-во социально-экономической лит-ры.

Ле Гофф, Ж. 1992. *Цивилизация средневекового Запада* / пер. с фр. М.: Прогресс.

Ле Руа Ладюри, Э. 2004. *История Франции* / пер. с фр. М.: Международные отношения.

Луконин, В. Г. 1987. *Древний и раннесредневековый Иран*. М.: Наука.

Люблинская, А. Д. 1972. Расцвет феодализма (X–XIII века). В: Манфред, А. З. (ред.), *История Франции*. Т. 1: 69–114. М.: Наука.

Малов, В. Н. 1994. Европейский абсолютизм второй половины XVII – начала XVIII века. В: Барг, М. А. (ред.), *История Европы*: В 8 т. Т. 4. *Европа Нового времени* (с. 138–179). М.: Наука.

Маретина, С. А. 1987. Социальная стратификация и становление государств (на примере малых народов Индии). В: Рыбаков, Б. А. (ред.), *От доклассовых обществ к раннеклассовым* (с. 158–177). М.: Наука.

Мартынов, А. С. 1982. Буддизм и общество в странах Центральной и Восточной Азии. В: Бонгард-Левин, Г. М. (ред.), *Буддизм, государство и общество* (с. 5–15). М.: Главная редакция вост. лит-ры изд-ва «Наука».

Маршалл, Т. Х. 2005. Природа классового конфликта. *Личность. Культура. Общество* 1 (25): 18–26.

Монтэ, П. 1989. *Египет Рамсесов. Повседневная жизнь египтян во времена великих фараонов* / пер. с фр. М.: Наука.

Никифоров, В. Н. 1977. *Восток и всемирная история*. М.: Наука.

Новосельцев, А. П. 1995. Государство Сасанидов. В: Алаев, Л. Б., Ашрафян, К. З. (ред.), *История Востока*. Т. 2: 23–34. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН.

Оппенгейм, А. 1990. *Древняя Месопотамия* / пер. с англ. М.: Наука.

Пайпс, Р. 1993. *Россия при старом режиме* / пер. с англ. М.: Независимая газета.

Парсонс, Т. 1997. *Система современных обществ* / пер. с англ. М.: Аспект Пресс.

Патрушев, А. И. 2001. Германская империя в 1871–1890 гг. В: Григорьева, И. В. (ред.), *Новая история стран Европы и Америки. Начало 1870-х годов – 1918 г.* (с. 63–83). М.: Изд-во Моск. ун-та.

Переломов, Л. С. 1962. *Империя Цинь – первое централизованное государство в Китае*. М.: Изд-во вост. лит-ры.

Перепёлкин, Ю. Я.

1988. *Хозяйство староегипетских вельмож*. М.: Наука.

2001. *История Древнего Египта*. СПб.: Журнал «Нева», Летний сад.

Петрушевский, Д. Н. 2003 [1917]. *Очерки из истории средневекового общества и государства*. М.: Книжная находка.

Платонов, С. Ф. 1994. *Лекции по русской истории*: В 2 т. М.: Наука.

Повалихина, Т. И. 2002. Экономическое могущество США в послевоенном мире. В: Голубович, В. И. (ред.), *Экономическая история зарубежных стран* (с. 410–442). Минск: Интерпрессервис.

Пономарев, М. В. 2003. Великобритания в 1900–1945 гг. В: Родригес, А. М., Пономарев, М. В. (ред.), *Новейшая история стран Европы и Америки XX век*: В 2 ч. Ч. 2: 168–211. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС.

Преображенский, А. А. 1967. Социально-экономическое развитие Русского государства (40-е годы – конец XVII в.). В: Бескровный, Л. Г. (ред.), *История СССР*. Т. 3. *Превращение России в великую державу. Народные движения* (с. 15–33). М.: Наука.

Садаев, Д. С. 1979. *История Ассирии*. М.: Наука.

Симоновская, Л. В., Лапина, З. Г. 1987. Китай в позднее средневековье. В: Ацамба, Ф. М., Лапина, З. Г., Мейер, М. С. (ред.), *История стран Азии и Африки в средние века*. Ч. 2: 114–136. М.: МГУ.

Сказкин, С. Д. 1972. Франция первой половины XVI века. В: Манфред, А. З. (ред.), *История Франции*. Т. 1: 151–180. М.: Наука.

Соловьев, С. А., Евзеров, Р. Я. 2001. Монополистический капитализм начала XX в. в странах Западной Европы и в США. В: Григорьева, И. В. (ред.), *Новая история стран Европы и Америки. Начало 1870-х годов – 1918 г.* (с. 267–299). М.: Изд-во Моск. ун-та.

Татарнинова, К. Н. 1958. *Очерки по истории Англии 1640–1815 гг.* М.: Изд-во ИМО.

Толстогузов, А. А. 1995. Япония в XIII–XV вв. В: Алаев, Л. Б., Ашрафян, К. З. (ред.), *История Востока*: В 6 т. Т. 2. *Восток в средние века* (с. 559–571). М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН.

Томановская, О. С. 1973. Изучение проблемы генезиса государства на африканском материале. В: Бромлей, Ю. В. (ред.), *Основные проблемы африканистики. Этнография. История. Филология* (с. 273–283). М.: Наука.

Топеха, П. П. 1958. Революция 1868 г. и буржуазные преобразования. Развитие японского капитализма и «движение за свободу и народные права». Формирование японского рабочего класса. В: Гальперин, А. Л. (ред.), *Очерки новой истории Японии (1640–1917)* (с. 181–312). М.: Изд-во вост. лит-ры.

Тюменев, А. И. 1956. *Государственное хозяйство Древнего Шумера*. М.–Л.: Изд-во АН СССР.

Удальцова, З. В.

1967 (ред.). *История Византии*: В 3 т. Т. 1. М.: Наука.

1988. *Византийская культура*. М.: Наука.

Филатов, Г. С. 1971. Усиление империалистических тенденций фашистской Италии. В: Дорофеев, С. И. (ред.), *История Италии*. Т. 3 (с. 88–143). М.: Наука.

Фишер, В. 1999. *Европа: экономика, общество и государство 1914–1980 г.* / пер. с нем. М.: Владос.

Фрай, Р. 1972. *Наследие Ирана* / пер. с англ. М.: Наука.

Фрейдзон, В. И. 1999. *Нация до национального государства*. Дубна: Феникс.

Фролов, Э. Д. 1979. Тема полиса в новейшей историографии античности (к постановке вопроса). В: Фролов, Э. Д. (ред.), *Античный полис* (с. 3–7). Л.: изд-во Ленинград. ун-та.

Хайек, Ф. А. фон 1992. *Дорога к рабству* / пер. с англ. М.: Экономика.

Харц, Л. 1993. *Либеральная традиция в Америке* / пер. с англ. М.: Изд. группа Прогресс – «Прогресс Академия».

Хейфиз, М. 2003. *Ханна Арендт судит XX век*. М. – Иерусалим: ДААТ–Знание.

Хромов, П. А. 1988. *Экономическая история СССР. Первобытное общество и феодальные способы производства в России*. М.: Высшая школа.

Цатурова, С. К. 2002. *Офицеры власти: Парижский Парламент в первой трети 15-го века*. М.: Логос.

Черника, Д. Г. 1995. Возникновение и развитие налогообложения. В: Черника, Д. Г. (ред.), *Налоги* (с. 3–34). М.: Финансы и статистика.

Чешков, М. А. 1967. *Очерки истории феодального Вьетнама* (По материалам вьетнамских хроник XVIII–XIX вв.). М.: Наука.

Шлеппер, Б. С. 1959. *Сто лет социальной истории Бельгии* / пер. с фр. М.: Ин. лит-ра.

Шофман, А. С. (ред.) 1984. *Периодизация всемирной истории*. Казань: изд-во Казанского ун-та.

Штаерман, Е. М. 1968. Античное общество. Модернизация истории и исторические аналогии. В: Данилова, Л. В. (ред.), *Проблемы истории докапиталистических обществ* (с. 638–671). М.: Наука.

Штомпка, П. 1996. *Социология социальных изменений* / пер. с англ. М.: Аспект-Пресс.

Ясперс, К. 1994. *Смысл и назначение истории* / пер. с нем. М.: Республика.

Armstrong, J. A. 1982. *Nations before Nationalism*. Chapel Hill: The University of Carolina Press.

Bergier, J.-F. 1976. The Industrial Bourgeoisie and the Rise of the Working Class 1700–1914. In Cipolla, C. M. (ed.), *The Industrial Revolution. 1700–1914* (pp. 397–451). London – New York: Harvester Press–Barnes & Noble.

Carneiro, R. L.
2000a. *The Muse of History and the Science of Culture*. New York: Kluwer Academic/Plenum Publishers.

2000b. Process VS. Stages: A False Dichotomy in Tracing the Rise of the State. In Kradin, N. N., Korotayev, A. V., Bondarenko, D. M., Munck, V. de, Wason, P. K. (eds.), *Alternatives of Social Evolution* (pp. 52–58). Vladivostok: FEB RAS.

Claessen, H. J. M. 1978. The Early State: A Structural Approach. In Claessen, Skalnik 1978d: 533–596.

Claessen, H. J. M., Oosten, J. G.

1996a. Introduction. In Claessen, Oosten 1996b: 1–23.

1996b (eds.). *Ideology and the Formation of Early States*. Leiden: Brill.

Claessen, H. J. M., Skalnik, P.

1978a. Limits: Beginning and End of the Early State. In Claessen, Skalnik 1978d: 619–636.

1978b. The Early State: Theories and Hypotheses. In Claessen, Skalnik 1978d: 3–29.

1978c. The Early State: Models and Reality. In Claessen, Skalnik 1978d: 637–650.

1978d (eds.). *The Early State*. The Hague: Mouton.

1981 (eds.). *The Study of the State*. The Hague: Mouton.

Claessen, H. J. M., Velde, P. van de

1987a. Introduction. In Claessen, van de Velde 1987b: 1–23.

1987b (eds.). *Early State Dynamics*. Leiden: Brill.

1991. *Early State Economics*. New Brunswick, N. J.: Transaction.

Claessen, H. J. M., Velde, P. van de, Smith, M. E. (eds.) 1985. *Developments and Decline. The Evolution of Sociopolitical Organization*. South Hadley MA: Bergin & Garvey.

Dahrendorf, R. 1976. Changes in the class structure of industrial societies. In Be-taille, A. (ed.), *Social Inequality* (pp. 93–121). Harmondsworth: Penguin Books.

DiBacco, Th. V., Mason, L. C., Appy, Ch. G. 1992. *History of the United States*. Vol. 2. *Civil War to the Present*. Boston: Houghton Mifflin Company.

Friedrich, C. J., Brzezinski, Z. K. 1956. *Totalitarian Dictatorship and Autocracy*. Cambridge, Mass. Harvard Univ. Press.

Goudsblom, J. 1996. Human History and Long-Term Social Processes: Toward a Synthesis of Chronology and Phaseology. In Goudsblom, J., Jones, E. L., Menzel, S. (eds.), *The Course of Human History. Economic Growth, Social Process, and Civilization* (pp. 15–30). N. Y., L.: M. E. Sharpe.

Haviland, W. A. 1991. *Anthropology*. 6th ed. Fort Worth, Chicago and other: Holt, Rinehart and Winston, Inc.

Hay, D. 1975. *A General History of Europe. Europe in the Fourteenth and Fifteenth Centuries*. London: Longman.

Janssen, J. J. 1978. The Earle State in Ancient Egypt. In Claessen, Skalník 1978d: 213–234.

Johnson, A. H. 1955. *Europe in the Sixteenth Century. 1494–1598*. London.

Korotayev, A. V., Kradin, N. N., Munck, V. de, Lynsha, V. A. 2000. Alternatives of Social Evolution: introductory notes. In Kradin, N. N., et al. (eds.), *Alternatives of Social Evolution* (pp. 12–51).

Marcus, J., Feinman, G. M. 1998. Introduction. In Feinman, G. M., Marcus, J. (eds.), *Archaic States* (pp. 3–13). Santa Fe – New Mexico: School of American Research Press.

Pokora, T. 1978. China. In Claessen, Skalník 1978d: 191–212.

Rayner, R. M. 1964. *European History 1648–1789*. New York: David McKay Company, Inc.

Service, E. R. 1975. *Origins of the State and Civilization. The Process of Cultural Evolution*. N. Y.

Shanks, M., Tilley, C. 1987. *Social Theory and Archaeology*. Cambridge: Polity Press.

Shifferd, P. A. 1987. Aztecs and Africans: Political Processes in Twenty-Two Early States. In Claessen, van de Velde 1987b: 39–53.

Skalník, P. 1996. Ideological and Symbolic Authority: Political Culture in Nanun, Northern Ghana. In Claessen, Oosten 1996b: 84–98.

Thapar, R. 1981. The State as Empire. In Claessen, Skalník 1981: 409–426.

Trouwborst, A. A. 1987. From Tribute to Taxation. On the Dynamics of the Early State. In Claessen, van de Velde 1987b: 129–137.

Tymowski, M. 1987. The Early State and after in precolonial West Sudan. Problems of the stability of political organizations and the obstacles to their development. In Claessen, van de Velde 1987b: 54–69.

Vincent, A. 1987. *Theories of the State*. London: Blackwell.

Weber, M.

1947. *The Theory of Social and Economic Organization*. New York: Free Press.

1971. Class, Status, Party. In Laumann, E. O., Siegel, P. M., Hodge, R. W. (eds.), *The Logic of Social Hierarchies* (pp. 67–82). Chicago: Markham Publishing Company.

Wright, H. T., Johnson, G. 1975. Populations, Exchange, and Early State Formation in Southwestern Iran. *American Anthropologist* 77: 267–289.